

О МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ СИНОНИМИИ ЕДИНИЦ ОРИГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА

(на материале русского и белорусского переводов поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш»)

Рассматриваются различные типы межъязыковых синонимов, анализируются принципы взаимозаменяемости лексем при переводе художественного текста, отмечаются и анализируются переводческие ошибки.

Different types of interlinguistic synonyms and principles of the lexical interchangeability are analysed in the article. Great attention is paid to the mistakes in the translation.

Проблема синонимии в современном языкознании до сих пор остается актуальной, несмотря на ее детальное исследование многими лингвистами. В процессе анализа данного явления выдвигались различные критерии синонимии: от полной взаимозаменяемости слов в любом контексте (Ю.Д. Апресян) до эквивалентности лишь по отдельным компонентам и способности определять одну и ту же мысль (С.Г. Бережан, Б.В. Томашевский).

Особый интерес вызывают синонимические отношения, возникающие при переводе художественного произведения. Важными представляются вопросы о принципах, определяющих способность разноязычных слов одной и той же части речи передавать авторскую мысль; о различиях в функционально-стилистической характеристике слов-синонимов; о специфике их контекстуального употребления.

Материалом для нашего анализа послужили польские производные имена существительные, зафиксированные в поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш», и их синонимы в переводах на русский и белорусский языки. В качестве русскоязычного текста используется перевод С. Мар (1948), в качестве белорусскоязычного текста - перевод П. Бителя (1955). Синонимами мы считаем слова, принадлежащие в тексте-оригинале и переводах к одной и той же части речи, частично либо полностью совпадающие по значению и употреблению, но различные по звучанию и написанию, а также отличающиеся друг от друга некоторыми компонентами семантики, эмоционально-экспрессивной окраской и стилистической принадлежностью.

В ходе анализа поэмы и ее переводов было установлено, что при интерпретации текста-оригинала на русский язык в синонимические отношения вступают 186 польских производных имен существительных, на белорусский язык - 258. В зависимости от принципа синонимизации, лежащего в основе взаимозаменяемости слов при переводе, все синонимы, используемые переводчиками, были разделены нами на следующие группы: межъязыковые, стилистические, межъязыковые контекстуальные.

1. Межъязыковые синонимы. В качестве межъязыковых синонимов выступают слова сопоставляемых языков, обозначающие, как правило, одно и то же явление объективной действительности и представляющие собой лексемы с максимально близкими (либо совпадающими) семантическими структурами (польск.: *niezgoda* (досл. раздор) - рус: *размолвка*; польск.: *powóz* (досл. повозка) - рус; *телега*; польск.: *wypalazek* (досл. изобретение) - рус: *открытие*; польск.: *gniew* (досл. гней) - бел.: *злосць*; польск.: *nieszczęście* (доел, *няшчасце*) - бел.: *бяда*; польск.: *rozмова* (доел. *размова*) - бел.: *бяседа*). Появление межъязыковых синонимов неизбежно при переводе любого художественного текста, поскольку «художественный перевод включает творческую составляющую, в результате чего большое значение приобретает творческое моделирование переводчиком художественной информации и проявление художественной инициативы» (Макарова 2004, 86). Кроме того, в процессе интерпретации поэтического текста возникают и объективные трудности, продиктованные особенностями рифмы и

ритма, поэтому сохранение дословного эквивалента зачастую не представляется возможным. Например:

Znowu Dobrzyńscy z Litwą natarli w zawody

I pomimo dawniejsze dwóch stronnictw niezgody... (Mickiewicz 1998, 217)

Добжинские опять с Литвой в согласие были,

Свои давнейшие размовки позабыли (Mickiewicz 1998, 775)

Зноў кінуліся ў бой дабжынцы і літвіны,

Забыўшыся пра звады для такой хвіліны (Mickiewicz 1998, 497)

По количественному составу межъязыковые синонимы в русском и белорусском текстах различаются незначительно: 75 и 83 единицы соответственно.

2. Стилистические синонимы. В тех случаях, когда номинация одной и той же реалии осуществляется лексическими средствами с близким семантическим содержанием, но разной экспрессивно-эмоциональной окраской и соответственно с разными сферами употребления, появляются стилистические синонимы. Как в русском, так и белорусском текстах довольно часты случаи, когда семантика польских производных имен существительных, относящихся к высокому книжному стилю, передается с помощью нейтральных лексем, а нейтральных - с помощью просторечных. В русском тексте-переводе таких случаев девять, в белорусском - десять. Например:

Sztuka rzucania nożów straszna w ręcznej bitwie (Mickiewicz 1998, 141)

Метание ножей опасно в каждой драке (Mickiewicz 1998, 700)

В качестве перевода польского существительного **битва** (бой, сражение) выступает нейтральная русская лексема **драка**.

Przypatrywał się zatem z ciekawością walce (Mickiewicz 1998, 141)

Дык зацікаўлены ўсёй гэтай валтузнёю (Mickiewicz 1998, 423)

В качестве перевода польского существительного **walka** (борьба, бой) на белорусский язык выступает просторечная лексема **валтузня**.

Однако в русском тексте-переводе гораздо чаще резкость выражений, использованных А. Мицкевичем в поэме, смягчается, в результате чего сниженная польская лексика заменяется положительно окрашенной общепотребительной, а нейтральная - книжной (польск.: *nieszczęście* (доел, несчастье, беда) - рус: *бедствие*; польск.: *odprawa* (доел, подачка собаке после охоты) - рус: *награда*; польск.: *powińszowania* (доел, поздравления) - рус: *виваты*). Например:

Zaraz w ślepiach jak w siedmiu kościołach zaświeci (Mickiewicz 1998, 197)

Засветится в глазах, как в девяти костелах (Mickiewicz 1998, 756)

В тексте перевода поэмы на белорусский язык такие случаи также встречаются (польск.: *trud* (досл. труд) - бел.: *мукі*, польск.: *plebanija* (досл. дом приходского священника) - бел.: *святліца*). Например:

Aż skończył i z pustego zszedł pobożowiska (Mickiewicz 1998, 142)

І, толькі скончыўшы, пляц кінуў апусцелы (Mickiewicz 1998, 423)

В приведенных выше примерах эмоционально окрашенные польские лексемы **ślepi** и **pobożowisko** заменяются в переводах на стилистически нейтральные эквиваленты: соответственно рус. **глаза** и бел. **пляц**. Однако в русском тексте насчитывается 13 подобных стилистических замен, а в белорусском - всего семь, что свидетельствует о более высокой степени стилистической адекватности белорусских вариантов оригинальным лексемам.

В целом же в переводных текстах сниженная лексика, обладающая отрицательной экспрессией и обогащенная различными эмоционально-экспрессивными оценками, а также культурными и историческими коннотациями, представлена беднее, чем в оригинале. Это может объясняться как субъективным выбором переводчиков, их особенностями восприятия поэмы, так и недостаточным вниманием к коннотативным характеристикам лексем переводимого текста. Подобные стилистические замены, на наш взгляд, в значительной степени способствуют смещению авторских смы-

словых акцентов, что, в свою очередь, ведет к искажению индивидуально-стилевой информации, заложенной в исходном тексте, ведь, по утверждению В.Н. Комиссарова, «эквивалентность отдельных слов в оригинале и в переводе предполагает максимально возможную близость не только предметно-логического, но и коннотативного значения соотнесенных слов, отражающего характер восприятия говорящими содержащейся в слове информации» (Комиссаров 1990, 81).

3. Межъязыковые контекстуальные синонимы. В процессе перевода художественного текста возникают языковые трансформации, ведущие к тому, что в качестве межъязыковых эквивалентов выступают слова, имеющие разную понятийную основу. Взаимозаменяемость таких лексем, называемых межъязыковыми контекстуальными синонимами, обеспечивают семантические точки пересечения, находящиеся на периферии их значений. А нейтрализация различий между подобными эквивалентами происходит лишь в условиях их употребления в определенном контексте. Например:

*Urzadzając we dworze izby do **spoczynku*** (Mickiewicz 1998, 476)

Ночлег готовили в доме для именитых (Mickiewicz 1998, 606)

Существительные **ночлег** и **spoczynek** (доел, отдых) имеют в данном контексте сходные семы: *ночлег* - 'место, где можно поспать, переночевать, отдохнуть'; *отдых* - 'сон'.

То же можно сказать и о следующей паре контекстуальных синонимов:

*Karmn, lżejszy od **pyłków** motylego skrzyrła* (Mickiewicz 1998, 131)

...карміны,

*Лягчэйшыя за **пух** на крылцах матыліных* (Mickiewicz 1998, 413)

В приведенном примере автор называет пыльцу на крыльях бабочки *пылінкамі* (**pyłki**), а переводчик для ее обозначения употребляет существительное **пух**. Но оба существительных имеют общие семы, необходимые для нейтрализации различий и употребления слов в одном и том же контексте - это значение легкости и невесомости пыли и пуха.

Наличие общих сем объединяет и следующую пару **krwawnik** - **карал**:

Stanąwszy nad strumieniem, rzuciła na trawnik

*Z ramion swój szal powiewny, czerwony jak **krwawnik*** (Mickiewicz 1998, 81)

На бераг ручая на зелень разаслала

Свой шаль кашаміровы колеру карала (Mickiewicz 1998, 363)

В данном случае красный цвет шали сравнивается автором с цветом тысячелистника (**krwawnik**), внутренняя форма белорусского дословного эквивалента (*кываўнік*) также содержит указание на красный цвет, но в тексте-переводе в качестве основы для сравнения выбирается *коралл*. Вероятно, это продиктовано стремлением переводчика сохранить рифму: *trawnik* - *krwawnik*, *разаслала* - *карала*.

Некоторые производные польские имена существительные в различных контекстах переводятся с помощью нескольких различающихся по значению русских или белорусских лексем, которые, однако, являются по отношению к польским контекстуальными синонимами. Данные случаи позволяют составить даже минимальные синонимические ряды. Например, в русском тексте-переводе: **wejrzenie** (взгляд) - **вид** - **очи**.

*Ale nie tylko grozne **wejrzenie*** (Mickiewicz 1998, 50)

*Имел он грозный **вид*** (Mickiewicz 1998, 510)

*Zofija z opuszoną ku ziemi **wejrzeniem*** (Mickiewicz 1998, 261)

*А Зося вспыхнула и **очи** опустила* (Mickiewicz 1998, 817)

Подобные синонимические ряды составляются и в белорусском тексте-переводе: **zwycięstwo** (перамога) - **смерць**, **насілле** - **геройства**.

*...**Zwycięstwo** i Zabor*

Biegły przed nim i za nim. (Mickiewicz 1998, 48)

*...**Смерць**, **насілле**, **Забар***

Ішлі за ім і перад ім. (Mickiewicz 1998, 330)

*.../ każdego z nich opis **zwycięstwa** lub zgonu* (Mickiewicz 1998, 49)

I їх геройстваў або смерцяў апісанні (Mickiewicz 1998, 331)

Сближение подобных лексем, связанных с определением различных реалий, в данном случае зависит от цели высказывания, контекста, культурно-исторического компонента в их структуре.

Выбор межъязыкового эквивалента в поэтической речи в известной мере субъективен, но в то же время он определяется и самим значением слова и его общепринятой коннотацией. Например, польское существительное **widowisko** имеет дословный русскоязычный эквивалент **зрелище**. Но по-русски мы не можем сказать "прекрасное зрелище" (как по-польски - śliczne widowisko). Поэтому переводчик выбирает синонимичную в данном контексте лексику - **картина** (невиданная картина):

Wytknął głowę i ujrzał cudne widowisko (Mickiewicz 1998, 74)

И подивился вдруг невиданной картине (Mickiewicz 1998, 634)

То же самое можно сказать и о паре контекстуальных синонимов **odmiana** - **адценне**:

A w każdej jest pewna odmiana (Mickiewicz 1998, 35)

A ў кожнай з іх адценне іншае схавана (Mickiewicz 1998, 316)

В данном отрывке речь идет о видах вежливости. Польское существительное **odmiana** переводится на белорусский язык как **разнавіднасць**, однако переводчик выбирает контекстуальный синоним **адценне**, так как дословный эквивалент имеет в белорусском языке оттенок книжности, нежелательный в данном контексте.

Примечательно, что в русском тексте нами было зафиксировано 79 контекстуальных синонимов, а в белорусском - 146. Такое количественное расхождение объясняется тем, что при интерпретации на русский язык переводчик чаще останавливается на варианте создания собственной фразы, т. е. использует синтаксические конструкции, которые вообще не подразумевают употребления той или иной польской лексики, перевод которой вызывает определенные трудности. Например:

Aleja, z kniaziów! pytać i mnie o patenta,

Kiedym został szlachcicem? sam Bóg to pamięta! (Mickiewicz 1998, 103)

Но от князей ведут свой древний род Юраги,

И мне-то какво разыскивать бумаги? (Mickiewicz 1998, 663)

Але вось я! з князёў! Мяне Маскаль пытае,

Калія вольным стаў? Бог толькі гэта знае! (Mickiewicz 1998, 385)

В результате в русском тексте-переводе наблюдается большее количество контекстуальных лакунов, а в белорусском преобладают контекстуальные синонимы.

Следует также отметить, что выбор переводчиком межъязыкового контекстуального эквивалента для обозначения той или иной реалии не всегда оказывается удачным. Например:

... Mieszając tu i ówdzie, podróżnych zwyczajem,

Smiech i urąganie się nad ojczystym krajem (Mickiewicz 1998, 88)

Прымешваючы ўсцяж, турыстаў злым звычайем,

То тут то там насмешкі, жарт над родным краем (Mickiewicz 1998, 369)

Значение польского существительного **podróżny** (путешественник) передается с помощью белорусского существительного **турыст**. Но данная лексема нарушает общий дух поэмы, написанной в начале XIX ст., а ассоциации, которые вызывает слово **турыст** у носителей современного белорусского языка, не вписываются в общий контекст произведения.

Отдельно следует сказать о синонимических отношениях, возникающих между польскими и переводными лексемами в рамках фразеологических оборотов. Одним из немаловажных условий, обеспечивающих адекватность литературного перевода, является полноценное воспроизведение средств

вами другого языка тех богатых смысловых и стилистических оттенков, которые привносит в художественный текст фразеология. Однако интерпретация устойчивых сочетаний нередко сопряжена с серьезными трудностями. По утверждению Н.Л. Шадрина, «главная из них заключается в том, что фразеологическому составу каждого языка присущи специфические особенности, вследствие чего преобладающая масса оборотов одного языка не находит готовых равноценных соответствий во фразеологии других языков» (Шадрин 1991, 3). Кроме того, ярко выраженный национальный колорит многих фразеологических единиц делает их практически непереводаемыми даже на близкородственные языки. Польские, русские и белорусские фразеологизмы часто базируются на различных образах и поэтому имеют разную внутреннюю форму и соответственно разный план выражения. Вследствие этого польские производные имена существительные, входящие в состав устойчивых оборотов, в текстах переводов могут быть представлены всеми перечисленными выше видами синонимов. Преобладает же как в русском, так и белорусском текстах именно контекстуальная синонимия (польск.: *Boże przykazanie* (завет, заповедь) - рус: **слово Божье** - бел: **закон габрэя**; польск.: *zdrowy na umysle* (разум) - рус: в **полной памяти** - бел.: у **поўнай памяці**). Однако тождество совокупного фразеологического значения при подобных переводческих трансформациях не утрачивается. Например:

*Bernardyn leżał w łóżku, zmordowany, blady,
I skrwawiony, lecz całkiem zdrowy na umyśle* (Mickiewicz 1998, 222)
*Ксёндз цяжко ранен был, но, несмотря на это,
Был в полной памяти, давал распоряженья* (Mickiewicz 1998, 788)
*Там ксёндз ляжаў у ложку стомлены і хворы,
І акрываўлены, ды ў памяці быў поўнай* (Mickiewicz 1998, 503)

Подводя итог рассмотрению синонимических отношений между польскими производными существительными и их эквивалентами в переводных текстах, необходимо подчеркнуть, что представленный материал обнаруживает значительные количественные расхождения между типами синонимов. Наиболее многочисленна группа контекстуальных синонимов, что объясняется необходимостью сохранения рифмы и ритма при переводе, субъективным выбором переводчика, а также семантическими различиями сопоставляемых языков. При этом отметим, что в тексте перевода поэмы на белорусский язык нами зафиксировано на 67 контекстуальных синонимов больше, что говорит об индивидуальных особенностях восприятия оригинала разными переводчиками, а также о различиях сопоставляемых языковых систем. Наличие же стилистических синонимов свидетельствует, на наш взгляд, о недостаточном внимании переводчиков к семантической структуре переводимого текста, его коннотативным характеристикам и культурному фону, так как понижение или повышение стилистического статуса лексем оригинала неизбежно приводит к утрате авторского замысла и снижению степени адекватности перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.
Макарова Л.С. Прагматические модификации художественной информации в переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. филол. № 9. М., 2004. № 4. С. 82-88.
Шадрин М.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. Саратов, 1991.
Mickiewicz A. Pan Tadeusz. Мн., 1998.

Поступила в редакцию 13.12.05.

Анастасия Сергеевна Русских - аспирантка кафедры русского языка. Научный руководитель-доктор филологических наук, профессор Т.Н. Волинец.